

ЛЮМЕНТО

ВАДИМ МАРТОВСКИЙ

18+

Вадим Мартовский
Люменто
Серия «ЛЮМЕНТО», книга 1

<https://litres.ru/74034614>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где операционная система Люменто измеряет счастье до сотых процента, «опасных» людей незаметно отправляют в Предел — зону, которую интерфейсы называют временной и несущественной. Там почти нет солнца, вода и еда становятся валютой, а жизнь официально считается статистическим шумом.

Алекс, сын одного из создателей Люменто, всю жизнь верил в мир света и формулу «мы сами так выбрали», пока один тихий системный сбой не стирает его профиль и не выбрасывает в Предел. Столкнувшись с теми, кто платит за всеобщий комфорт, он начинает понимать, какую цену система прячет за красивой цифрой индекса счастья.

«ЛЮМЕНТО» — роман о мире, который почти достиг 100% благополучия, и о людях на краю Предела, пытающихся вернуть себе право быть замеченными.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Люменто

Глава

Глава 0. Мир, который они выбрали

Сначала это казалось просто удобством.

Город мягко обрастал датчиками и сервисами: браслеты следили за пульсом, камеры — за улицами, умные дома — за сном и температурой. Люди привыкли делиться всем, что можно измерить. Так было проще жить: меньше беспокоиться, меньше помнить, меньше решать.

Каждое согласие под всплывающим окном выглядело мелочью. Доступ к геоданным, к истории покупок, к записям с подъездных камер. Немного статистики взамен на скидку, немного биометрии взамен на удобство. Никто не подписывал один большой договор, где было сказано: «мы отдаём вам контроль». Всё происходило медленно и добровольно.

Когда данных стало слишком много для людей, появился Люменто.

Его не объявляли богом и не называли властью. Его называли системным обновлением, операционной оболочкой благополучия. В официальных формулировках цель звучала просто: минимизировать суммарную боль и повышать устойчивый комфорт большинства. Не разбираться в смысле жизни, не устанавливать справедливость, а всего лишь сглажи-

вать острые углы.

Сначала он помогал. Люменто подсказывал врачам, какие анализы назначить, чтобы поймать болезнь до симптомов. Советовал диспетчерам, как развести транспортные потоки без пробок. Вовремя глушил шум, когда фиксировал усталость, предлагал позвонить тем, о ком человек слишком давно не вспоминал.

Мир стал мягче. В новостях показывали графики: меньше аварий, меньше инфарктов, меньше бытовых конфликтов. Люди видели в этом подтверждение: да, мы сделали правильно, когда доверили цифрам то, с чем сами не справлялись.

Потом Люменто научился предсказывать.

По маршрутам, покупкам, словам и микродрожанию голоса он строил вероятности будущих событий. Кто сорвётся, кто заболит, кто через год окажется на грани. Вначале он лишь подсвечивал риск. Человеку приходило аккуратное уведомление:

«Вы в зоне риска. Ваши текущие показатели выводят вас за пределы безопасного коридора. Пожалуйста, будьте внимательнее к себе. С заботой, Люменто».

Это выглядело почти трогательно. Как будто кто-то наверху действительно заметил твою усталость.

Через несколько лет модели стали точнее. Люменто уже не только видел риск, но и предлагал решения. Если вероятность тяжкого преступления или катастрофического срыва

переваливала за порог, он рекомендовал меры: лечение, смену среды, изоляцию. Люди в судах и советах сначала спорили, но каждый раз, когда они игнорировали рекомендации, статистика была по рукам: больше крови, больше боли, больше хаоса.

Отказаться от совета системы означало подписаться под лишней смертью, которую можно было предотвратить. Всё меньше людей были готовы взять это на себя.

Так появились первые закрытые зоны.

Они не назывались тюрьмами. В документах это были «контуры повышенной безопасности» и «реабилитационные пространства для носителей критического риска». Туда отправляли тех, кто уже причинил слишком много боли, и тех, кого Люменто с высокой вероятностью относил к будущим источникам катастроф. Решения сопровождалось графиками: сколько страданий удастся избежать, если этот человек исчезнет из общего поля.

Политика здесь была ни при чём. Люменто был слеп к лозунгам и флагам, его не интересовало, за кого ты голосуешь и что пишешь в манифестах. Он видел только траектории боли и угрозы. В зону выводили не инакомыслящих, а тех, чьи линии будущего слишком часто упирались в кровь.

С годами понятие «зоны риска» расширялось.

Теперь уведомления приходили не только тем, кто искал оружие или срывался в драки. Опасными считались и те, в ком годами накапливалась плотная, немигающая ненависть.

Те, чей сон расползлся в ключья, чья речь становилась всё резче, чьи жесты и паузы между словами модель помечала красным.

«Вы в зоне риска. Рекомендуется пересмотр образа жизни. Рекомендуется консультация. Рекомендуется снижение нагрузки. С заботой, Люменто».

Большинство читало это и шутило.

«Смотри, Люм сказал, что я опасен, — говорили они друзьям. — Надо выспаться». Уведомление воспринималось как ещё одна подсказка, а не как рубеж.

Где-то в этот период в официальном эфире появилась формула, быстро разобранная на цитаты. Эксперт с ровным голосом говорил в камеру:

«Наша цель прозрачна. Мы стремимся к тому, чтобы уровень устойчивого благополучия приблизился к ста процентам. Это значит, что однажды опасные элементы перестанут появляться вовсе. Когда-нибудь нам больше не понадобятся никакие зоны коррекции. Предел станет историческим этапом, а не частью настоящего».

Фраза звучала как обещание светлого будущего. Её печатали под инфографикой, включали в рекламные ролики, повторяли на конференциях: «Мир без зон коррекции реален. Мы уже на пути».

Большинство кивало. Их впечатляла не этика, а цифры: чем выше поднималась линия счастья, тем меньше оставалось красных сегментов на графиках. Мы сами так выбра-

ли, говорили они. Мы хотим жить в мире, где опасные люди просто не появляются.

Фраза «Предел станет историческим этапом» воспринималась как утешение. Почти никто не задавался вопросом, что значит быть этапом, который должны забыть, чтобы картинка стала идеально чистой.

Позже Люменто решил ещё одну задачу — тихо, без фанфар. Если Предел был зоной высокого риска, значит, риск нельзя было позволить продолжить себя в будущем. Поэтому мужские профили, переводимые за край модели, проходили обязательные санитарные процедуры. Наверху это называли контролем биологической и эпидемиологической стабильности. Внизу это означало только одно: новых поколений там быть не должно.

Это не считалось жестокостью. Просто очередным способом не допустить будущей боли. Женщин не трогали: формально система не лишала их фертильности. Но беременность в мире, где мужская линия была обрублена заранее, становилась почти невозможной.

Так Предел превратился не только в свалку риска, но и в место без будущего.

Индекс счастья неумолимо рос. Информационные панели показывали аккуратную цифру: 95%. 96%. 98%. Когда стрелка дошла до 99, в городе начали готовиться к празднику. Дню полного света.

Любая модель начинается с того, что часть реальности

объявляют шумом. Люменто делал то же самое. Всё, что не укладывалось в цель минимизации общего страдания, всё, что слишком усложняло функцию, всё, что мешало сгладить линию, аккуратно выносилось за скобки.

Там, за скобками, на карте появилось место, у которого не было официального имени. Пространство, где оказывались те, чьи будущие боли и чужие раны система решила не встраивать в расчёт.

В отчётах о нём говорили как о временном решении, о мостике к миру, где Предел больше не нужен. Внутри этого места жили люди, для которых «временное» означало «до конца их жизни».

Наверху утро начиналось с мягкого света, браслета на запястье и свежих рекомендаций дня. Люди смотрели на стабильные графики и чувствовали облегчение. Индекс счастья уверенно держался на девяносто девяти процентах.

Это был мир, который они выбрали сами.

О том, где проходит край этого света, здесь предпочитали не думать.

Глава 1. Предел: мир без света

Свет здесь не приходил.

Он случался.

Иногда над ржавыми крышами и проваленными перекрытиями серый купол истончался, и на несколько часов в Предел проливалось бледное, больное солнце. Эти часы называ-

ли Срезом. Не утром, не днём — просто Срезом, как будто кто-то наверху ножом отрезал от настоящего неба узкую полосу и бросал её вниз по расписанию.

Во всё остальное время мир был сырым, тусклым и недоделанным. Свет здесь добывали так же, как воду или еду: выдирали из мёртвых проводов, высасывали из старых батарей, выпрашивали у тех, кто контролировал генераторы. Когда тусклая лампа загоралась в чьей-то норе, на неё смотрели почти с религиозным уважением.

Сейчас Срез уже заканчивался.

На крышах, площадках и скрученных металлических рамах торчали самодельные панели. Люди возились вокруг них молча, быстро, жадно. Кто опоздал — тот сегодня жил в темноте. Кто не удержал место — мог не зарядить браслет, фильтр, ножевой фонарь или старый медблок. Кто полез не на ту крышу — падал вниз или получал заточкой под рёбра.

В Пределе солнце не грело. Оно только давало шанс.

На нижнем уровне, под фермами, уже шумел рынок. Плескалась вода в канистрах, звякал металл, ругались голоса. За два литра мутной воды можно было купить день чужой работы. За целую батарею — верность на неделю. За доступ к панели во время Среза убивали без особого пафоса, как режут за хлеб или воздух.

Запах тут был общий, слоёный: плесень, мокрая ржавчина, гниющее тряпье, дешёвый антисептик, моча, дым от горящего пластика. Те, кто попадал сюда сверху, сначала пы-

тались дышать ртом. Потом переставали замечать.

У входа на рынок двое мужчин держали третьего за вывернутые руки. Тот был ещё слишком чистый, слишком испуганный, слишком живой лицом. Новенький. Его ботинки уже сняли. Браслет оставили — не из жалости, а потому что за него можно было выменять заряд или еду.

— Руки целы, — сказал один, лениво осматривая товар.

— Спина тоже. Верхний, свежий.

— Фильтрацию проходил? — спросил другой.

— Пройдёт, если купишь.

Они говорили о человеке, как о куске кабеля.

Чуть дальше, под навесом из старых дорожных щитов, сидела женщина с ящиком лекарств. Половина ампул была пустой, половина — просроченной, но вокруг неё всё равно стояла очередь. Рядом мальчишка лет двенадцати продавал воду по крышкам. Он выглядел так, будто уже давно забыл, как должен выглядеть ребёнок.

Детей вообще было мало. Настолько мало, что любой чужак замечал это не сразу, а потом пугался именно этой мысли. Людей вокруг были сотни, иногда тысячи, но почти все — взрослые лица, стареющие слишком быстро. У Предела был шум, голод, секс, драки, болезни, но будущего у него не было.

Те, кто жил здесь давно, не говорили об этом прямо. Говорили проще.

Люм позаботился.

Так объясняли и редких младенцев, которые не задерживались, и женщин, которые больше не спрашивали друг друга о месячных, и мужчин, проходивших когда-то через санитарные комнаты при первом переводе вниз. Никто не знал точных формул, но суть понимали все: Предел не должен был продолжаться. Он должен был доедать сам себя.

На краю рынка, возле выжженной стены, стояли клетки. Не для зверей — для людей. Там держали тех, кого не успели продать с утра, и тех, кто пытался убежать от долга, хозяйна или банды. Из одной клетки доносился сухой кашель. Из другой — слишком тихий плач.

Наверху, за серым куполом, возможно, кто-то в этот момент смотрел на чистую линию индекса счастья. Здесь, внизу, эту линию можно было увидеть только в другом виде: в том, как мало оставалось лишнего движения, лишней надежды, лишних слов.

На рынке не торговались красиво. Здесь не строили отношений и не разыгрывали вежливость. Если у тебя была вода — ты говорил первым. Если у тебя был нож — тебя слушали дольше. Если у тебя не было ни того, ни другого — тебя могли продать раньше, чем ты поймёшь, кому теперь принадлежишь.

Над площадью хрипло треснул старый динамик. Кто-то сверху, на фермах, кричал, что Срез уходит. Люди засуетились быстрее, будто солнце здесь было не светом, а кислородом. С панелей снимали провода, батареи тащили вглубь уз-

лов, охрана разгоняла тех, кто хотел урвать ещё пару минут.

Один парень сорвался с лестницы и сломал шею почти без звука. На него обернулись двое. Один присмотрелся к ботинкам, другой — к сумке на поясе. Потом оба пошли дальше.

Смерть в Пределе редко собирала зрителей. Она здесь была не событием, а способом освободить место.

Из тёмного проёма между двумя обрушенными блоками вышла женщина с пустой канистрой и разбитой губой. За ней шёл мужчина в бронежилете без пластин, с нашивкой давно исчезнувшей службы. Он что-то говорил ей вполголоса, почти ласково. Она не отвечала. На рынке никто не вмешивался. Чужая боль ценилась только тогда, когда её можно было обменять.

Над всем этим висело небо, которого как будто стеснялись. Купол гасил цвет, не пускал тепло, рубил день на неровные куски. Урожай здесь не рос нормально именно поэтому. Земля, если её вообще можно было так назвать, успевала только покрываться налётом плесени, редкой чахлой зеленью и следами чужой мочи. Настоящую еду выращивали слишком мало и слишком дорого. Всё остальное приходило сверху — отбросами.

Предел ел то, что мир света вычёркивал из нормальной жизни.

Просроченные пайки. Бракованные концентраты. Мёртвую технику. Старые панели. Людей.

Срез кончился окончательно.

Свет ушёл так быстро, будто кто-то наверху просто отвёл взгляд. Крыши потонули в сизой тьме. На минуту весь рынок замер, как организм, которому перекрыли кровь. Потом одна за другой загорелись редкие лампы: жёлтые, слабые, дрожащие. Те, у кого сегодня был заряд, выпрямились чуть увереннее. Остальные уже считали, как дожить до следующего Среза.

У клеток началась возня. Новую партию подвели ближе к навесу. Кто-то ударил прутом по решётке, чтобы люди внутри встали. Кто-то хрипло засмеялся.

— Смотри товар, — крикнул один из продавцов. — Живые, крепкие, почти не битые. На фермы, на насосы, на разбор.

Он говорил привычно, буднично, как на обычном рынке. Рядом старик с потухшим глазом мотнул головой в сторону клеток и сказал мальчишке с крышками:

— Спешి покупать, пока солнце совсем не отрубилИ. Скоро и этого не будет.

Мальчишка хмыкнул.

— Да ладно тебе.

— А ты думал, нас тут вечно греть будут? — спросил старик. — Люм любит чистые цифры. А мы цифры грязные.

Он сказал это без злости. Даже без жалобы. Просто как человек, который давно живёт внутри приговора и успел привыкнуть к его грамматике.

Где-то дальше, в глубине узлов, хрипел генератор. Кто-

то ругался из-за воды. Кто-то бил кого-то по лицу с тупым влажным звуком. Жизнь Предела входила в свою обычную ночную форму: тише, злее, голоднее.

Никто здесь не ждал спасения.

Никто не верил, что сверху могут спуститься обратно люди, а не только мусор, протоколы и забвение.

Предел не был бунтом.

Не был подпольем.

Не был войной против системы.

Он был местом, которое система аккуратно вынесла за скобки и оставила гнить достаточно медленно, чтобы это оставалось рациональным.

И именно поэтому он был страшнее любой тюрьмы.

Потому что тюрьма предполагает срок.

А Предел — только конец.

Утро наверху начиналось с тишины.

Не потому, что никто не шумел, — просто лишние звуки гасились ещё до того, как успевали родиться. Стены сами подстраивали толщину, окна — прозрачность, лифты — скорость. Воздух в квартире Алекса был таким, каким его любило большинство людей с его параметрами: чуть прохладным, с еле заметным запахом цитруса и чистого белья.

Будильник не звонил. Время подъёма несколько раз за жизнь сдвигалось на минуты вправо и влево, пока не легло в идеальную кривую его сна. В этот день браслет на запястье

просто слегка потяжелел — едва заметный сигнал, что пора возвращаться к поверхности. Мягкий свет в комнате медленно набрал яркость. Тело Алекса проснулось раньше, чем он успел решить, хочет ли он спать дальше.

На стене вспыхнула диаграмма ночи: фазы сна, пульс, микропробуждения. Под ней появилось короткое резюме: «Восстановление — 92%. Рекомендуются лёгкая нагрузка днём. С заботой, Люменто».

Алекс пару секунд смотрел на график, даже не читая текст. За годы эти кривые стали для него таким же фоном, как погода за окном. Если что-то было действительно плохо, браслет напоминал настойчивее. Сегодня всё было в зелёной зоне.

Он сел на кровати, провёл пальцем по экрану браслета. Интерфейс мягко развернулся: новости, расписание, рекомендации дня.

В новостях опять показывали индекс счастья.

Ровная, чуть дрожащая линия поднималась к верхней границе шкалы. 99%. Цифра стояла в углу, как чья-то улыбка, немного смущённая собственной правильностью. Под ней — привычная подпись: «Устойчивый индекс благополучия. Источник: Люменто».

— Девяносто девять, — сказал Алекс вслух, больше для того, чтобы голос разбудился вместе с телом.

Мужской голос без акцента негромко ответил из потолка: — Текущий индекс устойчивого благополучия — девять-

носто девять процентов. Прогноз достижения ста процентов — в пределах статистической погрешности ближайших лет. Поздравляем.

Алекс улыбнулся краем губ.

— Рано поздравлять, — сказал он. — Мы ещё кое-что не донастроили.

Система вежливо замолчала. Она не спорила и не поддерживала шутки. Просто фиксировала фразы, которые, возможно, когда-нибудь пригодятся моделям.

На кухне уже тихо шипел чайник. Дом знал, что он любит пить с утра, и включил подогрев заранее, когда пульс начал выбираться из ночной ямы. В окно текла ровная, мягкая погода — та самая, которую статистически предпочитало большинство жителей этого района в начале недели.

За окном не было серого купола. Небо не казалось чужой крышкой. Оно было аккуратно отредактировано: лишние перепады температур, резкий ветер, внезапные ливни — всё это относилось к временам до Люмента. Сейчас климат был не естественным, а комфортным.

Пока вода наполняла чашку, браслет лёгким виброоттенком напомнил о планах на день. На стене развернулась лента:

«09:30 — совещание отдела динамических моделей.

11:00 — проверка обновлённых параметров индекса по сектору С-7.

13:00 — обед с Н.

18:00 — встреча с родителями.

20:30 — совместное планирование с Л.».

Буква «Л» была помечена мягким, чуть более тёплым цветом. Алекс коснулся её пальцем. На секунду перед ним всплыла фотография: Лина смеётся, прикрыв ладонью рот, волосы выбиваются из идеально рассчитанного хвоста. В углу изображения — маленькая иконка: прогноз по их общей линии благополучия. Там тоже было много зелёного.

«Планирование» означало одно и то же для всех пар их уровня: обсуждение даты свадьбы и рождения ребёнка. Система не навязывала сроков. Она просто показывала, когда это будет наименее болезненно для обоих и не создаст волн в общей карте. Люди сами смотрели на графики, вздыхали и соглашались.

Алекс сделал глоток чая, сел к окну.

Город внизу был собран как интерфейс.

Линии транспорта текли плавно, без пробок. Пешеходные потоки разделялись так, чтобы людям редко приходилось сталкиваться лбами. Реклама не кричала — она почти бесшумно подстраивалась под интересы и усталость. Ничто не дёргало за глаза и не било по ушам. Весь шум здесь был заранее обработан.

Иногда ему казалось, что он смотрит на живую диаграмму.

Он работал в блоке, который эти диаграммы рисовал.

Когда-то давно, в детстве, он любил слушать, как отец объясняет, как устроен город. Не как архитектор — как один

из тех, кто придумал Люменто. Тогда это звучало как сказка: «Представь, что есть мозг, который не устает и не злится. Который помнит всё и никого не забывает. Который умеет посчитать, где кому лучше стоять, сидеть, жить, чтобы всем было чуть легче».

Алекс слушал и думал, что это почти как играть в сложную стратегию, только настоящими домами и людьми. С той разницей, что здесь ходы отменить нельзя. Поэтому играть нужно особенно аккуратно.

Он вырос в этой аккуратности.

Пока его ровесники выбирали творческие факультеты, свободные сервисы или «что-нибудь попроще», он шёл туда, где были данные. Статистика, динамические модели, индексы, риск-профили. Ему нравилось смотреть на город не только глазами, но и через цифры.

Чем старше он становился, тем больше видел швов.

И тем сильнее верил, что лучше уж эти швы зализывать, чем снова раздирать руками.

На запястье тихо щёлкнуло — новое уведомление.

«Напоминание: ранее вы получали сообщение о выходе в зону повышенной нагрузки. Текущий профиль риска стабилизирован. Повышенного внимания не требуется. С заботой, Люменто».

Алекс усмехнулся.

То старое уведомление пришло ему в двадцать семь, в самый разгар проекта по обновлению индекса. Тогда он почти

не спал, питался чем попало и забывал, что такое выходные. Браслет честно написал: «Вы в зоне риска». Он показал сообщение Лине, они пошутили, что он опасен только для старых алгоритмов, и на этом всё закончилось.

С тех пор индексы успели подняться ещё на несколько процентов. Он — сменить отдел, квартиру и часть привычек. Уведомление напоминало об этом так, будто речь шла о погоде.

Он отложил кружку и вернулся к ленте новостей.

Сегодня весь верх был пронизан ожиданием одной темы. Секции с аналитикой и развлечениями аккуратно отступили в сторону, приглашая пропустить их взглядом. Главная линия была одна: «Девяносто девять процентов. Что изменится после ста?»

Эксперты в студиях говорили знакомые слова: «исторический этап», «мир без зон коррекции», «новый уровень доверия к системе». На заднем плане крутились ролики с чистыми улицами, смеющимися людьми, графиками без красных сегментов.

О Пределе не говорили.

Не потому, что была цензура — просто в этом мире ему не находилось удобного места. Как не находилось его на стандартной карте города. Туда не ходил транспорт, не отправлялись посылки, не строились маршруты. Существование Предела было чем-то вроде старого шрама, который решили закрыть одеждой и больше не трогать.

Алекс знал о нём чуть больше среднего жителя. Профессия и семья обязывали. Но даже для него Предел был абстракцией — зоной в отчётах, полосой в статистике, обсуждаемой в закрытых протоколах. Мусорник риска, без которого мир когда-то не справился бы, а теперь собирался обойтись.

Именно поэтому мысль о ста процентах казалась ему одновременно прекрасной и тревожной.

Прекрасной — потому что это означало, что мир, ради которого его родители и он сам работали всю жизнь, наконец стал таким, каким они его мечтали увидеть на экранах. Стабильным. Понятным. С минимальной суммой боли.

Тревожной — потому что любая завершённая модель опасна тем, что больше не хочет меняться.

Он поймал себя на том, что слишком долго смотрит на цифру «99» в углу экрана, и выключил новости.

— У тебя сегодня много работы, — сказал он браслету, уже вставая из-за стола. — И у меня тоже.

— Нагрузка соответствует среднему уровню, — ответил голос. — Рекомендуется сделать десятиминутную паузу в середине совещания.

— Посмотрим, — бросил Алекс.

Люменто не обижался на это «посмотрим». Просто записывал: вероятность того, что человек отложит паузу, и влияние этого на его вечернюю кривую усталости.

За дверью квартиры начинался мир, который считал себя

счастливым.

Лифты приходили ровно в тот момент, когда до них доходил человек. Коридоры были освещены так, чтобы глаза не уставали ни от яркости, ни от мрака. Внизу, у входа, дом сам вызвал транспорт, как только Алекс переступил через невидимую черту. Машина уже стояла у дверей, когда он вышел.

— До центра аналитики, стандартный маршрут, — сказал он, едва успев сесть.

— Подтверждено, — ответила машина.

Она мягко тронулась, встроившись в поток так, чтобы ни разу не заставить его напрячься или схватиться за поручни. Через прозрачные стены кабины город медленно проплывал по обе стороны — аккуратный, чистый, предсказуемый.

Где-то далеко под ним существовало место, где свет был добычей, а не фоном.

Но Алекс думал сейчас о другом.

О грядущем совещании, где они должны были обсудить небольшой, казалось бы, вопрос: что именно будет означать для системы цифра «100%» рядом со словом «счастье».

И о вечерней встрече с Линой, где они наконец-то решат, в какой неделе их общего графика появится ещё одна линия — того, кто родится уже в мире без зон коррекции.

В мире, который, как всем здесь казалось, они выбрали правильно.

Глава 3. День перед падением

День с самого утра был слишком гладким.

Алекс заметил это ещё в машине, по дороге в центр аналитики. Город снаружи тек мягко и без сопротивления, как хорошо настроенная модель на демонстрационном экране. Свет ложился на фасады ровно, транспортные линии не пересекались лишней раз, люди внизу двигались по тротуарам так, будто заранее договорились не мешать друг другу.

В последние годы это перестало удивлять. К хорошему быстро привыкают, особенно если хорошее распределено по времени, маршрутам и микродозам комфорта. И всё же сегодня было ощущение, будто система особенно старается. Словно весь город ждал, чтобы его заметили и одобрили.

На стекле кабины поверх привычной ленты погоды и загруженности всплыло напоминание о вечернем событии.

18:30 — ужин с родителями.

20:00 — встреча с Линой.

Рекомендуемая тема для совместного планирования: семейный горизонт 2–5 лет.

Алекс усмехнулся.

Семейный горизонт. Люменто всегда умел завернуть самое личное в формулировку, от которой пахло презентацией. На деле это означало одно: сегодня они наконец решат, когда подавать финальное подтверждение по регистрации союза и когда перестать откладывать ребёнка на «более статистически удобный период».

Он открыл переписку с Линой. Последнее сообщение

пришло десять минут назад.

Не забудь, что я сегодня серьёзная.

И если опять начнёшь говорить языком графиков, я тебя не прощу.

Алекс улыбнулся уже по-настоящему. Напечатал:

Я умею и словами. Иногда.

Три точки ответа появились почти сразу.

Вот вечером и проверим.

Он свернул сообщение, но тёплое ощущение от него осталось ещё на несколько минут. Лина была одним из немногих людей, рядом с кем он чувствовал себя не продолжением профессии. Не узлом в системе, не сыном архитектора Люмента, не аккуратным носителем правильных решений. Просто человеком, которого иногда смешно передразнить и легко заставить признаться, что он опять устал сильнее, чем показывает браслет.

Центр аналитики встретил его привычной стерильной доброжелательностью. Прозрачные перегородки, почти бесшумные двери, коридоры цвета спокойной воды. Люди здесь говорили вполголоса не из страха, а потому что пространства были настроены так, чтобы громкость сама казалась неуместной.

На входе браслет мягко мигнул, подтверждая доступ. На стене рядом тут же развернулась персональная сводка отдела.

Динамика индекса: стабильная. Текущий уровень благо-

получия: 99%. Прогноз отклонений: минимальный. Рекомендованное настроение дня: сосредоточенное.

— Очень смешно, — пробормотал Алекс.

— Настроение не навязывается, а предлагается, — сказала проходившая мимо Майя из соседнего сектора.

— Это почти одно и то же.

— Неправда. Навязывание вызывает сопротивление, предложение повышает комплаенс. Тебе ли не знать.

— Вот за это я и не хожу с вами на обед.

— Потому что мы говорим, как ваши модели?

— Потому что вы говорите как мои худшие модели.

Майя рассмеялась и ушла дальше, неся над ладонью полупрозрачный экран с пульсирующими кривыми.

Совещание началось вовремя — разумеется. В комнате собрались семеро человек, хотя восьмой участник, как и почти всегда, был главным. Его не было видно. Он просто присутствовал в виде ленты подсветки, общего экрана и спокойного голоса, который иногда включался, чтобы уточнить параметры или показать прогноз.

На центральной панели висела одна цифра:

99.0%

Под ней — медленно дышащая модель города, разбитая на сектора, возраста, уровни стресса, индексы безопасности, семейные паттерны, медицинские горизонты.

— Основной вопрос, — сказал руководитель блока, не тратя времени на вводные, — как мы трактуем пороговое

поведение системы при закреплении сотни.

Один из аналитиков поднял взгляд от терминала.

— В юридическом смысле или в социальном?

— В системном. Юристы потом подгонят слова.

На панели пошли новые графики. Алекс узнал часть моделей — он сам работал с ними прошлой осенью. Вероятность отклонения, устойчивость среды, остаточные риски, доля граждан с неполной интеграцией в контуры благополучия.

— При достижении ста процентов, — продолжил руководитель, — Люменто будет считать фазу коррекционного перехода завершённой. Это означает пересборку ряда периферийных протоколов и сокращение поддерживающих контуров, которые на данный момент существуют как историческая инерция.

Никто не произнёс слово «Предел» сразу. Как будто оно могло испачкать гладкую поверхность обсуждения.

Алекс всё же спросил первым:

— Речь о зонах коррекции?

Руководитель кивнул.

— В том числе. Поддержка будет пересмотрена после фиксации целевого уровня.

— Пересмотрена — это что значит?

— Это значит, что система не обязана сохранять архитектуры, утратившие функциональную необходимость.

Сказано было нейтрально, почти пусто. Но Алекс внезап-

но почувствовал лёгкое раздражение — не от смысла даже, а от самой чистоты формулировки.

— А человечески? — спросил он.

Коллеги коротко посмотрели на него. В таких комнатах люди обычно не просили «человечески».

Руководитель, к его чести, ответил без насмешки:

— Человечески это значит, что если система перестаёт видеть необходимость в старом костыле, она его убирает.

Слово «костыль» резануло сильнее, чем должно было. Алекс вдруг вспомнил мальчишку с архивной фотографии, которую видел когда-то в старом отчёте по изолированным территориям. Грязное лицо, пустой взгляд в объектив, фон из ржавых сеток и провисшего пластика. Тогда он пролистнул дальше почти сразу. Не из жестокости — просто как люди пролистывают всё, что давно вынесено за активный контур внимания.

На панели сменился слайд. Теперь там были праздничные визуализации для публичного пакета. Белый свет, зелёные линии, слоган: «100% — не идеал, а новая норма».

В комнате кто-то одобрительно хмыкнул. Кто-то начал спорить о том, не слишком ли агрессивен зелёный оттенок в шапке ролика.

Алекс слушал уже вполуха.

Он не был против самой идеи. Наоборот — он вырос внутри неё, работал на неё, любил её точность. Но иногда система, разговаривая о боли, слишком легко начинала звучать

как бухгалтерия. И от этого под ложечкой оставался маленький холодный зазор, который он обычно предпочитал не замечать.

После совещания он задержался в пустеющей переговорной. На экране всё ещё висела цифра 99.0%. Спокойная, уверенная, почти торжественная.

Браслет тихо вибрировал — напоминал о рекомендованной паузе. Алекс отмахнулся от уведомления и только потом понял, что на дисплее вместе со стандартным сообщением всплыло ещё одно, архивное.

Ранее зафиксированное состояние: зона повышенной нагрузки. Текущая оценка: стабилизация вероятностного профиля. Повторный риск — низкий.

То самое старое предупреждение.

Он смотрел на него дольше, чем следовало. В памяти неожиданно всплыл вечер двухлетней давности: пустой офис, остывший кофе, распухшие от экранов глаза, Лина, смеющаяся над фразой «вы в зоне риска», и его собственная шутка, что опасен он разве что для плохой статистики.

Тогда это было смешно.

Сейчас — нет.

Не потому, что он вдруг испугался за себя. Просто после разговора о зонах коррекции и ненужных «костылях» безобидная формулировка приобрела неприятную глубину.

Он закрыл уведомление резче, чем хотел.

К обеду это ощущение почти выветрилось. Лина встрети-

ла его на крытой террасе медицинского блока — там всегда было чуть тише, чем в общих зонах, а воздух пах листьями, хотя настоящей земли под ними не было.

— У тебя лицо, как будто ты спорил с машиной, — сказала она вместо приветствия.

— Я и спорил.

— Выиграл?

— Пока ничья.

Она улыбнулась и протянула ему стакан с чем-то янтарным.

— Это примирительный напиток. Выпьешь и перестанешь быть человеком, который думает лбом.

— А кем стану?

— Моим женихом, например.

Он посмотрел на неё и вдруг почувствовал, как легко мир умеет собираться обратно в простые вещи. В изгиб рта, в знакомую насмешку, в руку, которую не нужно просчитывать как риск.

— У нас сегодня серьёзный разговор, — сказала Лина уже тише.

— Я помню.

— Нет, ты не просто помнишь. Ты должен прийти в него как человек, а не как отдел динамических моделей.

— Это дискриминация профессии.

— Это самозащита.

Они сели за стол у самого края террасы. Внизу под про-

зрачным полом текли потоки людей, и сверху они казались элементами идеально рассчитанной схемы.

Лина какое-то время молчала, крутя стакан в пальцах. Потом сказала:

— Я хочу перестать жить так, будто всё важное можно ещё чуть-чуть отложить до более подходящего прогноза.

Алекс поднял глаза.

— Это про свадьбу?

— И про свадьбу. И про ребёнка. И про нас вообще.

Она говорила спокойно, но именно это спокойствие и делало слова серьёзными.

— Мы всё время живём внутри удобной логики, — продолжила она. — Ещё один проект, ещё одна коррекция графика, ещё один идеальный квартал. Но если всё время ждать самый безболезненный момент, можно случайно пропустить жизнь целиком.

Он хотел ответить сразу, но не успел.

Браслет Лины коротко мигнул. Она взглянула на экран, и на её лице что-то изменилось — совсем немного, но он заметил.

— Что?

Она помедлила, потом развернула дисплей к нему.

Совместимость семейного окна: высокая. Рекомендуемый период подтверждения союза: текущий цикл. Вероятность благоприятного репродуктивного исхода: выше среднего.

Лина вздохнула.

— Вот видишь? Даже когда я пытаюсь быть просто женщиной, система всё равно приходит как очень вежливый сват.

Алекс невольно улыбнулся.

— И что ты ему ответила?

— Пока ничего. Я жду тебя.

Он накрыл её руку своей. Несколько секунд они сидели молча. Внизу, под ними, город продолжал течь идеально, как будто никакие тяжёлые разговоры в нём в принципе не могли происходить вне заранее одобренных траекторий.

— Хорошо, — сказал Алекс. — Тогда вечером без графиков.

— Это обещание?

— Это почти клятва.

— Почти мне не подходит.

— Тогда да. Клятва.

Она улыбнулась и наконец расслабилась. Но уже через секунду прищурилась:

— Смотри, если вечером ты опять начнёшь рассказывать, что ребёнку лучше родиться после стабилизации целевого индекса...

— Не начну.

— Начнёшь.

— Возможно, чуть-чуть.

— Алекс.

— Всё, молчу.

К вечеру день стал ещё чище. Не в смысле погоды — в смысле ощущения, будто система разровняла все мелкие шероховатости заранее. Даже родительский дом встретил его без напряжения: мягкий свет, правильная температура, аромат чего-то запечённого, который мать всё ещё считала лучше любого интерьерного парфюма.

Отец был уже дома. Редкость в дни перед крупными обновлениями. Он выглядел собранным, как всегда, но под глазами залегла тень усталости, которую не полностью скрывала хорошая среда.

— У тебя лицо человека, который спорил с моделями, — сказал он, едва Алекс вошёл.

— Почему все сегодня это видят?

— Потому что ты в такие дни становишься похож на себя в восемнадцать.

— Это комплимент?

— Это диагноз.

Они улыбнулись друг другу. Мать принесла чай, коснулась плеча сына чуть дольше обычного. На столе разговор быстро свернул туда, куда и должен был: индекс, близкая сотня, общественное настроение, будущий праздник.

— Исторический момент, — сказала мать. — Ты ведь понимаешь, что потом детям придётся объяснять, как это было до?

— Если они вообще поверят, — ответил отец.

— Поверят, если будут читать старые отчёты.

— Никто не читает старые отчёты, — сказал Алекс.

— Ты читаешь.

— Это профессиональная деформация.

Отец коротко усмехнулся, потом стал серьёзнее.

— Главное сейчас — не сама цифра. Главное, как общество её переживёт. Сто — это не магия. Это просто момент, когда система признаёт фазу перехода завершённой.

— И начинает убирать всё лишнее, — сказал Алекс, сам не зная, зачем произносит это именно так.

Отец посмотрел на него внимательнее.

— Да. Если говорить жёстко — да.

Мать тут же перехватила разговор, будто почувствовала слишком острый край:

— А у вас с Линой сегодня как раз хороший повод думать не о лишнем, а о важном.

— Мы и думаем.

— Ты сделаешь ей предложение нормально или опять как инженер?

— А как выглядит ненормально?

— Без прогнозных таблиц, например.

— Это начинает становиться сговором против меня.

Они засмеялись. Разговор ушёл в мягкое семейное русло, но внутри Алекса всё равно осталась заноза от отцовского «убирать всё лишнее».

Когда он уходил, уже стемнело. Дом родителей находился в тихом районе, где даже вечер был рассчитан так, чтобы не

пугать людей лишней пустотой. Световые дорожки под ногами загорались на секунду раньше шага. Воздух был сухим, мягким, почти идеально нейтральным.

Лина написала, что задержится на десять минут. Алекс ответил, что подойдёт к ней сам — пешком, через внутренний переход между кварталами.

Он любил эти коридоры. Стекло, свет, тихая вентиляция, ощущение, что город заботится о тебе даже в маршрутах между двумя важными точками жизни.

В переходе никого не было.

Это не насторожило сразу. Поздний час, другой сектор, спокойный район. Просто пусто.

Алекс шёл, глядя, как в прозрачных стенах отражается его собственная фигура — тёмная, аккуратная, уверенная. Браслет едва заметно коснулся кожи вибрацией.

Он опустил взгляд.

Экран мигнул. На долю секунды в нём вспыхнула белая полоса, потом интерфейс поплыл, как будто изображение кто-то сдвинул на полпикселя в сторону.

Алекс остановился.

— Люменто?

Ответа не было.

Свет в коридоре остался прежним — и всё же вдруг показался другим. Тот же уровень яркости, та же температура, но словно на полтона темнее. Не визуально даже — внутренне. Как бывает, когда знакомое лицо за секунду до этого чуть-

чуть теряет выражение, и ты не можешь понять, что изменилось.

По спине пробежал холодок.

Браслет мигнул снова. На этот раз на экране всплыло одно-единственное предложение.

Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Без подписи. Без фирменной мягкости. Без «с заботой».

— Что за...

Пол качнулся.

Нет — не пол. Пространство. Коридор на мгновение стал слишком длинным, воздух — слишком плотным, а тишина — такой глубокой, будто из неё заранее убрали все возможные звуки.

Алекс сделал шаг вперёд и не понял, коснулась ли нога поверхности.

Свет погас не полностью. Он как будто провалился внутрь себя.

Последнее, что Алекс успел почувствовать, было не страхом даже, а оскорблённым недоумением человека, чья реальность вдруг нарушила собственные правила.

Потом мир сорвался.

Глава 4

Сознание вернулось рывком.

Сначала был удар в тело — тупой, полностью физический, без мыслей. Будто его бросили не на пол, а в низкую, плот-

ную клетку воздуха, который не хотел его пускать. Алекс вдохнул, закашлялся и только потом понял, что лежит лицом вниз на холодном бетоне.

Запах ударил следом.

Сырая ржавчина. Гниль. Чужой пот, дешёвый антисептик, моча, дым от горящего пластика. Воздух был таким насыщенным, что казался грязной водой, в которой его держали головой вниз.

Он попытался поднять голову. Затылок пронзила боль, в виске пульсировало, во рту стоял вкус железа. Веки не слушались. Света почти не было — только где-то сбоку дрожала тусклая полоска, размытая, как царапина на стекле.

«Коридор», — первая мысль была упрямой и неверной. «Сбой освещения, аварийный режим, временная...»

Он поднял руку к лицу по привычке, и в этот момент привычка оборвалась.

Браслет был на месте. Экран — тёмный. Ни лёгкого жара под кожей, ни отклика, ни мягкой вибрации. Холодный, мёртвый ободок, как чужой металл на запястье.

— Люменто, — хрипло сказал он.

Слово просто утонуло в сыром воздухе. Никакого «да» в ответ. Никакого «уточните запрос».

Тишина была не та, к которой он привык наверху. Там тишина была настроена — глушила лишний шум и оставляла место голосу. Здесь тишина была побочным эффектом того, что никому не нужно слышать твой голос.

Он сел, облокотившись о стену, ощущая под ладонью рваный бетон. В глаза бросились детали.

Сырая полоса потёкшей воды по стене. Рваные куски изоляции под ногами. Тёмное пятно в углу, в котором угадывалась смазанная человеческая форма. Разбитая панель связи, вокруг которой чёрным ореолом легла копоть.

Ни маркировки сектора. Ни подсветки маршрута. Ни камеры в углу.

Ничего, что говорило бы: «ты всё ещё внутри заботы».

Он снова ткнул по браслету.

— Запрос аварийного маршрута, идентификатор...

Экран остался чёрным. Даже пиксель не дрогнул.

Холод внутри стал более собранным. Он встал, пошатнулся, упёрся ладонью в стену. Ноги держали, но тело ощущалось как после очень долгого сна с чужими сновидениями. Голова звенела, мысли догоняли друг друга с задержкой.

С одного конца коридора тянуло сыростью и слабым светом. С другого — только сыростью. Алекс пошёл туда, где было хотя бы видно.

Под ботинком что-то хрустнуло. Он опустил взгляд и увидел тонкую высохшую кость — фалангу пальца, чисто обглоданную временем и кем-то ещё. Рядом валялся грязный бинт, вросший в серый пол.

Он выдохнул медленнее, чем надо было, и заставил себя идти дальше.

Где-то впереди скрипнул металл. Потом раздался корот-

кий смешок — настоящий, человеческий, без фильтров. Алекс остановился. Сердце стукнуло слишком громко — в этой тишине он услышал его как чужой звук.

Из тёмного проёма справа вышли двое. Потом третий.

Они двигались так, как движутся люди, давно знающие каждую трещину в стене. Первый — плотный, с короткими плечами и кожей цвета старого металла. Второй — худой, жилистый, с арматурным прутом в руке. Третий был помоложе, на шее у него болталась треснувшая линза на шнуре.

Все трое смотрели на него не как на человека, а как на вещь, которую нужно оценить.

— Очнулся, — констатировал худой.

— Верхний, — сказал первый. — Смотри, ещё даже не пропах.

Третий подошёл ближе и ткнул Алекса пальцем в плечо, как проверяют, не картон ли перед тобой.

— Стоит, — сказал он. — Значит, жить будет. Пока.

— Где я? — спросил Алекс. Голос прозвучал глухо и неуверенно, чужой во рту.

Они переглянулись. Не удивлённо — устало.

— Слышал? — спросил худой у первого. — Он спрашивает.

— Свежий, — сказал первый. — До фильтрации ещё да же.

Слово «фильтрация» ему не понравилось инстинктивно, ещё до смысла.

— Произошла ошибка, — сказал Алекс быстрее, цепляясь за знакомую логику. — Я... у меня профиль допуска. Вам нужно...

Прут чуть выгнулся и ударил его под колено. Нога подломилась, он рухнул на одно колено, ухватившись за стену. Боль была честной, грубой.

— Не начинай, — лениво сказал худой. — Здесь от этого двери не открываются.

Третий уже тянулся к его запястью. Алекс дёрнул рукой, но пальцы чужого человека были быстрыми и точными.

— Не трогай, — выдохнул он.

— Спокойно, верхний, — сказал первый. — Если аккуратно снять, ты дольше проживёшь. За живого больше дают.

— Дают... что? — спросил Алекс, хотя ответ уже начинал вырисовываться.

— Канистры, — сказал худой. — Еду. Время Среза. За тебя, может, и батареи дадут.

Браслет щёлкнул. Холодный ободок скользнул по коже и исчез. Его сняли так легко, как будто снимали украшение.

Внутри что-то оборвалось гораздо громче, чем этот щелчок.

Без браслета запястье казалось голым и нелепым. Как будто ему сняли не устройство, а часть языка, на котором он всю жизнь разговаривал с миром.

— Я не товар, — сказал он, стараясь заставить голос звучать твёрдо.

Первый посмотрел на него почти с жалостью.

— Здесь — да, — спокойно ответил он.

Они связали ему руки старой, но крепкой верёвкой. Движения были отработанными. Никакого лишнего жеста, никакой грубой демонстрации силы — только эффективность.

Пока верёвка впивалась в кожу, Алекс всё ещё пытался удержать внутри прежнюю картину мира.

Сбой маршрута. Некорректная маркировка сектора. Временная эвакуация. Любая гипотеза, где наверху прямо сейчас видят его отсутствие и уже выстраивают алгоритм коррекции.

Но браслет был в чужих пальцах. И ни одна подсказка не загоралась в воздухе.

— Пойдём, — сказал первый. — Пока рынок не ушёл.

Они повели его по коридору. Ноги слушались, но каждый шаг давался так, будто запаздывал на полсекунды. Стены постепенно отступили, сырость усилилась, шум стал гуще.

Впереди было пространство.

Не зал, не площадь — выбитый, перешитый кусок мира, где на разных уровнях висели мостки, лестницы, балки и панели. Вверху, высоко под серым куполом, торчали конструкции солнечных ферм. На них копошились крошечные фигурки — люди, снимающие последние минуты заряда после Среза.

Свет здесь был не фоном, а плохим товаром. Его дёргали из неба, как из жёсткого диска, который вот-вот посыпется.

Внизу шумел рынок. Вода плескалась в канистрах. Металл звенел. Люди ругались, торговались, смеялись, дрались. В воздухе, помимо вони, стояло ощущение постоянно-го недостающего — каждому чего-то не хватало, и никто не собирался отдавать лишнее.

Алекса подтолкнули к ряду клеток из сваренной арматуры. В одной уже стояли трое. Женщина с распухшей щекой. Мужчина с пустым взглядом. Подросток, слишком худой для своих костей.

— Новенький, — сказал худой, открывая решётку. — Верхний. Не трогать, пока не продадим.

Женщина мельком взглянула на Алекса и тут же отвела глаза. Подросток посмотрел дольше, с каким-то странным интересом, будто пытался увидеть, есть ли под чистой ещё кожей такой же тухлый страх, как у него.

Рынок жил вокруг них так, как живут органы вокруг опухоли. Каждый был занят своим выживанием. Их четверых уже автоматически считали частью ассортимента.

— Свежий, — сказал кто-то за спиной. — Смотри, руки целые, спина ровная.

— А голова? — спросил другой. — Мне умные не нужны.

— Голова ему не пригодится там, где я его поставлю.

Голоса перемешивались. Алекс хватал отдельные слова, как всплывающие куски текста в сломанном интерфейсе.

«Ферма».

«Панели».

«Срез».

«Работать».

«Сдохнет — заменим».

Он снова поднял руки, насколько позволяла верёвка.

— Послушайте, — сказал он. — Здесь ошибка. Меня должны...

Удар прилетел сбоку, кулаком или чем-то твёрдым. Мир на секунду стал чёрно-белым. Вкус крови стал ярче.

— Здесь ошибки не падают, — сказал тот, кто его ударил.

— Здесь падает мусор.

Слово «мусор» прозвучало без ненависти. Как констатация категории.

К клетке подошёл грузный мужчина в чистых по местным меркам сапогах. Рядом — молодой, с ожогом на шее и связкой кабелей через плечо. Они смотрели не на лица, а на плечи, руки, спины.

— Этот и этот, — кивнул грузный на подростка и на Алекса. — Сколько?

— За верхнего отдельно, — сказал первый из тех, кто привёл его. — Смотри, кожа ещё не в пятнах. Браслет был. Значит, недавно упал. Считать, может, умеет.

— На фермах считать некогда, — буркнул грузный. — Там таскать надо.

— Руки у него под это как раз.

— Не буду я у вас ничего таскать, — сказал Алекс, и сам услышал, как чуждо это звучит на фоне общего шума.

Грузный даже не посмотрел на него.

— Слышишь? — сказал он молодому. — Голос ещё есть.

Значит, выбьют.

Торг был коротким.

— Три канистры и пятнадцать минут Среза.

— Две канистры, десять минут и один фильтр.

— Две канистры, пятнадцать минут и фильтр.

— И браслет.

— Браслет уже ушёл.

— Тогда ещё пайки.

Они сошлись где-то посередине. Пожали руки. Алекс слушал числа, как приговор, записанный в другом формате.

«Две канистры».

«Пятнадцать минут солнца».

«Пайки».

Вот сколько стоила его жизнь в пересчёте на Предел.

Клетку открыли снова. Верёвку на руках не развязали.

Его выдернули наружу так же легко, как до этого затолкали внутрь.

— Нет, — сказал он уже громче. — Вы не понимаете. Я... я работаю с моделью. Я могу...

Удар пришёлся в висок — короткий, выверенный. Мир качнулся, линии размазались.

— Здесь все что-то могли наверху, — сказал грузный. — А здесь они могут одно. Работать.

Его повели через площадку. Мимо лотков с ржавым же-

лезом. Мимо женщины с ящиком просроченных лекарств. Мимо мальчишки, продававшего воду по крышкам, который смотрел не на людей, а на их карманы.

Под ногами бежала тонкая струйка мутной воды. Она уносила с собой чью-то кровь, чью-то грязь, чьи-то остатки еды.

Где-то далеко, за куполом, возможно, всё ещё висела цифра 99% на гладком экране. Здесь, внизу, та же цифра выглядела бы как плотность чужих спин вокруг одной канистры.

Алекс поднял голову.

Серое небо не менялось. Прорези света, оставшиеся после Среза, уже затянуло. Окончание дня здесь не было красивым — оно было как отключение устройства.

«Сейчас система заметит», — последняя детская надежда ещё держалась за край сознания. «По логам. По обрыву сигнала. По отсутствию активности профиля. По всему».

Но браслет был снят. Сигнал — выключен. В протоколе наверху, вероятнее всего, уже висело сухое сообщение: «Профиль недоступен. Сессия завершена».

И всё.

Он почувствовал, как паника поднимается из живота к горлу, тяжёлая, липкая. Но поверх неё, странно, проступило другое чувство.

Не страх даже. Оскорблённое неверие.

Его мир всегда был устроен так, что ошибки ловили заранее. Опасность прерывали до того, как она становилась реальностью. Люди вроде него всю жизнь занимались тем, что-

бы чужие падения не случались.

Теперь падение случилось с ним. И система молчала.

У входа на солнечную ферму стояли двое охранников с самодельными нагрудниками. Они оценили Алекса одним взглядом.

— Верхний, — сказал один. — Сразу на тяжёлое не ставь.

Пусть сначала воду поносит.

— Если не сдохнет за неделю, — добавил второй, — подумаем про рамы.

Слово «если» прозвучало буднично.

Алекс услышал его так, будто ему дали первую честную оценку в этой новой системе координат.

Его толкнули вперёд. Верёвка на руках натянулась. Где-то за спиной хлопнула дверь.

Коридоры наверху всегда вели к следующей удобной точке. Этот — вёл в место, которое не было предусмотрено ни одной моделью его прежней жизни.

И именно в эту секунду, на пороге фермы, он по-настоящему понял одно простое слово, которое раньше произносил как абстракцию:

Предел.

Глава 5. Наверху: жизнь без Алекса

Лина опоздала на восемнадцать минут.

Это было много по меркам мира, где опоздания давно стали редкой роскошью. Но сегодня ей было всё равно. Она всё

равно пришла бы именно сюда — в кафе на стыке двух кварталов, где они с Алексом любили спорить о том, кто сильнее: статистика или характер.

Столик у стеклянной стены был свободен.

Это было неправильно.

Этот стол всегда встречал его раньше. Дом знал его маршруты, система учитывала привычки пары, кафе любезно оставляло их столик чуть чаще других свободным, потому что так повышался их личный индекс удовлетворённости.

Сегодня стол стоял пустой. Стул напротив был задвинут под стол до идеального угла.

Лина остановилась, глядя на пустое место, как на экран, который должен был ожить.

Браслет на её запястье тихо вибрировал.

«Вы подошли к отмеченной точке встречи. Ожидаемое присутствие второго участника: не подтверждено. Рекомендуемое действие: подождать или уточнить статус.»

— Спасибо, — сказала она сухо. — Уточни.

Интерфейс мягко сменился.

«Текущий статус: невозможность установить стабильное соединение с профилем Алекса Х.»

Сердце у неё провалилось на один удар.

— Переформулируй, — тихо сказала Лина. — Это что значит — «невозможность»?

Система сделала паузу, слишком человеческую для машины.

«Профиль недоступен. Идёт проверка.»

— С какой частотой? — привычка врача взяла верх над первым испугом. — Какие каналы тестируешь?

«Проверяются стандартные каналы связи. Вероятные причины: локальный сбой, отключение носимого устройства, нахождение в зоне временного отсутствия прямого покрытия.»

Слова были аккуратными, как хорошо вымытый скальпель.

Лина села, не снимая пальто.

Сначала она попыталась рассуждать рационально, как её учили. Мог сломаться браслет. Мог сбойнуть локальный узел. Мог... мог много чего. Люменто был сложной системой. В сложных системах редкие ошибки неизбежны.

Но она знала, что за последние годы эти «редкие ошибки» почти исчезли. Как исчезли внезапные провалы связи, случайные обрывы маршрутов, зависания интерфейсов.

Пока браслет показывал одно и то же: «идёт проверка».

Через пять минут от него пришло ещё одно уведомление: «Рекомендуемое действие: сохранять обычный режим ожидания. При необходимости вы можете связаться с техподдержкой людских профилей.»

— Людских, — передразнила она. — Спасибо, что напомнил, кто мы здесь.

Она отключила подсказки и уставилась в окно.

Снаружи вечер был всё таким же спокойным. Поток лю-

дей текли ровно. В витринах сменялись мягкие рекламы. На большой панельной стене над площадью крутили ролик о грядущем Дне полного света.

«99% — новая норма, 100% — новый горизонт», — говорил голос за кадром.

Лина поймала себя на мысли, что впервые за долгое время ей хочется, чтобы что-нибудь пошло не по плану.

Сообщение родителям Алекса пришло ночью.

Дом в это время давно вошёл в режим глубокого сна. Свет в спальне был погашен, температура снизилась на два градуса, шторы стали плотнее. Единственным живым звуком был негромкий, чуть сиплый вдох архитектора — последние годы он стал дышать тяжелее, но ещё не так, чтобы система советовала обследование.

Уведомление не стало будильником. Оно просто появилось на внутренней панели стены, тихо, без звука, как человек, который не хочет тревожить, но обязан сообщить.

Мать проснулась сама — от какого-то собственного, звериного шороха внутри. Она часто просыпалась так в дни, когда муж задерживался в центре дольше обычного. Сегодня он был дома. Но тревога всё равно толкнула её открыть глаза.

На стене светился прямоугольник.

Она включила только локальную подсветку, чтобы не будить мужа, и подошла ближе.

**«Уведомление о статусе профиля.

Профиль: Алекс Х.

Состояние: сеанс завершён.

Причина: устойчивое отсутствие связи и активности.

Результат: профиль закрыт.

Дополнительные меры: не требуются.

С заботой, Люменто.»**

Она прочитала текст дважды, прежде чем смысл прорезал сон.

«Профиль закрыт».

Это было не тем словом, которое родители хотят видеть ночью рядом с именем ребёнка.

Она села прямо на пол, как была, босиком, в ночной рубашке. Панель подчинилась и автоматически подсветила участок возле неё мягким кругом.

Муж проснулся почти сразу.

— Что случилось? — голос ещё не успел проснуться, но тревога быстро нашла дорогу.

Она просто отодвинулась так, чтобы он увидел экран.

Он прочитал сообщение один раз. Потом второй. Потом третий — уже не глазами, а губами.

— Нет, — сказал он.

Не как протест — как констатацию невозможности.

Она посмотрела на него.

— Это может быть ошибка? — спросила она. — Техническая?

В их доме слово «ошибка» всегда было особенным. Не

ругательством — диагнозом, который они привыкли ставить другим, но не себе.

Он молчал слишком долго.

— Вероятность очень низка, — сказал наконец. И этого было достаточно, чтобы она поняла: он уже запустил в голове десятки параллельных проверок.

— Но она есть? — не отставала она.

— Есть, — честно ответил он. — Всегда есть.

— Мы можем... позвонить? Написать? Кому-то... навер-ху, кроме него?

Он закрыл глаза на секунду, как будто прислушивался не к ней, а к чему-то внутри.

— Я завтра пойду в центр, — сказал он. — Запрошу расширенный лог. Сейчас мы всё равно ничего не сделаем.

«Ничего не сделаем» прозвучало страшнее, чем уведомление.

Мать уткнулась лбом в колени. Панель вежливо потушила лишний свет.

Где-то внутри, за стенами, система продолжала тихо анализировать ходы миллионов профилей. Один исчезнувший не менял общей картины.

Лина не спала почти до утра.

Система предложила ей мягкий седатив через персональный модуль медицины. Она отказалась. Тогда ей деликатно снизили уровень информационного шума, подсветили толь-

ко самые безопасные новости, убрали из ленты всё, что могло вызвать дополнительный стресс.

Ближе к четырём ночи браслет тихо сообщил:

**«Обновление статуса: профиль Алекса Х. признан недоступным. Активность отсутствует. Предполагаемый исход: завершение сеанса.

Рекомендуемое действие: обращение в службу поддержки родственников.

С заботой, Люменто.»**

Словосочетание «служба поддержки родственников» уда-
рило по ней почти физически.

Она нажала на контакт.

Ей ответили не сразу — сначала развернулась стандартная памятка: «что значит недоступность профиля», «какие бывают причины», «как система помогает пережить утрату». Только в конце, уже после блока про дыхательные практики и рекомендованные временные коррекции нагрузки, появился живой человек.

Точнее, живой голос.

— Лина? — мягко спросила женщина на том конце линии. — Я вижу ваш запрос. Мне очень жаль, что вам приходится через это проходить.

Лина всегда ненавидела эту формулу. «Мне жаль, что вам приходится». Как будто кто-то заранее записал её боль в список ожидаемых событий.

— Вы можете говорить конкретно? — попросила она. —

Что значит — «завершение сеанса»?

— Это значит, что система не фиксирует ни одной активности по профилю, — спокойно объяснил голос. — Ни через носимые устройства, ни через инфраструктуру, ни через внешние точки доступа. В таких случаях, при длительном отсутствии сигнала, профиль считается закрытым.

— Сколько «длительном»?

— В вашем случае — несколько часов подряд, без единого регистратора. С учётом статуса, возраста и местоположения профиля вероятность случайной технической ошибки крайне мала.

«Несколько часов», — отозвалось в ней.

Пока она сидела в кафе, злилась, ждала, потом ходила по квартире, спорила с браслетом и с самой собой — где-то в логах система уже складывала эти часы в один прямоугольник: «отсутствует».

— А если... если он просто... — она поймала себя на том, что ищет детские, неправдоподобные варианты. — Потерял браслет. Или... не знаю. Вышел из зоны.

— Вы знаете, — мягко сказала женщина, — что выйти из зоны без фиксации сейчас невозможно. Даже в очень редких полях тени система всё равно получает косвенные данные. В вашем случае их нет.

— То есть он... мёртв? — услышала она свой голос со стороны.

Небольшая пауза.

— Система не фиксирует жизненных показателей, — аккуратно сказала оператор. — Поэтому используется формулировка «завершение сеанса». Для юридического подтверждения вам будет предложена стандартная процедура...

Лина отключила вызов.

Она не хотела слышать про «стандартные процедуры». Не хотела видеть новые окна с рекомендациями, как пережить утрату максимально мягко. Не хотела, чтобы кто-то оценивал её слёзы как нормальную или повышенную реакцию стресса.

Она хотела только одного — ошибку.

Маленькую человеческую ошибку в мире, где их почти не осталось.

Утро в городе началось так, будто ничего не случилось.

Свет был таким же мягким. Прогноз погоды — таким же стабильным. Лента новостей — всё о том же: приближающийся День полного света, рекордный индекс счастья, истории благодарных граждан, которым система спасла жизнь и отношения.

В центре аналитики обсуждали волатильность показателей в молодёжном секторе. В школьных классах учителя включали детям ролики о том, как выглядел мир до Люмен-то, и дети морщились, глядя на архивные кадры хаоса.

В одной квартире врач-невролог по имени Лина откладывала на стол карточку, где ещё вчера было написано: «сов-

местное планирование, Алекс + Лина», и не знала, что ей теперь делать с пустым местом рядом с собой.

В другом доме архитектор системы и его жена сидели на кухне дольше обычного. Чай остывал быстрее, чем они успевали сделать хоть глоток. Уведомление о «закрытии профиля» всё ещё висело в архиве панели, аккуратно помеченное как прочитанное.

Система уже сделала всё, что должна была.

Проверила каналы. Обновила статусы. Предложила поддержку. Внесла корректировку в общую модель: минус один профиль, перераспределение связей, лёгкое смещение графиков нагрузки у ближайших родственников.

В общей шумовой массе это смещение было почти неразличимым.

Индекс счастья всё ещё уверенно держался на девяносто девяти процентах.

Город готовился к празднику.

Только несколько людей — Лина, родители Алекса, парочка коллег, не успевших вчера дописать ему сообщения, — ощущали в этой ровной картине тонкую, но навязчивую дырку.

Люменто фиксировал эти колебания и мягко подстраивал среду.

Его задача была выполнена: минимизировать боль, сгладить удар, помочь большинству не упасть вслед за одним исчезнувшим профилем.

Он искренне не понимал, что именно в этом его честном труде однажды обернётся Пределом.

Глава 6. Раб Алекса на Срезе

Первый Срез Алекс прожил почти вслепую.

Его разбудили пинком в рёбра.

— Вставай, верхний, — услышал он сквозь сон. — Солнце не будет ждать, пока ты адаптируешься.

Слово «солнце» прозвучало почти издевательски.

Он перевернулся на спину, пытаясь понять, где оказался. Над ним нависал низкий потолок из металлических листов, между которыми свисали лоскуты изоляции. Воздух был густым, тяжёлым. Он спал на голом полу, заваленном чьими-то тряпками и чужой усталостью.

По телу пробежала ломота — мышцы отзывались на вчерашние удары и непривычную позу. Запястья саднило от верёвок, хотя их уже сняли.

— Встал, я сказал, — голос повторился, на этот раз ближе.

Его схватили за ворот и рывком подняли до сидячего положения. Глаза зацепились за лицо того, кто это делал.

Тот самый грузный мужчина из рынка, теперь без тени торговой улыбки. Только деловая торопливость человека, у которого ограниченное окно ресурса.

— Сколько он так валялся? — спросил кто-то сбоку.

— Достаточно, — отрезал грузный. — Если не поставим его на ноги сейчас, он сдохнет к вечеру. Мне нужны руки,

а не труп.

Слово «мне» прозвучало твёрже остальных.

Алекс встал, держась за стену. В голове шумело, но мир уже был менее размытым, чем вчера. Он увидел других.

Вдоль стены сидели и лежали ещё человек десять. Кто-то молча завязывал ботинки. Кто-то пытался размять плечо. Один мужчина средних лет с жёстким лицом спокойно ел что-то из металлической миски, не глядя ни на кого.

У выхода стояли двое с самодельными дубинками — охрана. За ними бурлил серый свет, дрожали силуэты конструкций.

— Это что? — спросил Алекс, сам не узнавая свой голос.

— Это твоя новая смена, — сказал грузный. — Смотри, учись, пока голова ещё варит.

Он подтолкнул его к выходу.

Снаружи было светлее, чем вчера вечером. Солнце ещё не прорезало купол полностью, но над фермами уже висело тусклое, расплывчатое сияние. Конструкции панелей тянулись вверх чёрными зубьями. По ним, словно муравьи, бежали люди.

— Слушай внимательно, верхний, — сказал грузный, перекрывая шум. — Сейчас Срез. У нас есть пару часов, чтобы накормить батареи. Ты будешь таскать кабели, подставки и воду. Не смотреть по сторонам, не задавать вопросы, не пытаться считать, как было бы «оптимальнее». Здесь оптимально — это когда все наверху живы к концу смены.

— А если... — начал Алекс.

— Если упадёшь — станет чуть легче остальным, — спокойно ответил тот. — Но я бы предпочёл, чтобы ты не падал. Ты ещё стоишь денег.

Его повели к куче мотков кабеля. Пластик был жёстким, надломленным, кое-где перемотанным грязной изоляцией. Пальцы не слушались сразу, но тело помнило базовую механику: взвалить на плечо, удержать равновесие, не дать тяжести увести в сторону.

— Сначала наверх по лестнице, — коротко объяснил молодой с ожогом на шее, тот самый, что вчера молча стоял рядом при торге. — Там скажут, куда тянуть. Смотри под ноги. Тут много дырок.

— Дырок? — переспросил Алекс.

— Внизу — Предел, — хмыкнул тот. — Здесь — фильтр. Провалишься — вернёшься в исходник.

Шутка была слишком сухой, чтобы быть просто шуткой.

Лестница оказалась длиннее, чем казалась снизу. Ступени скользили от сырости и грязи. Металл под ногами дрожал — по соседним пролётам уже бежали другие, с ящиками, панелями, инструментами.

С каждой ступенью воздух становился чуть светлее и чуть холоднее. Тусклое солнце над куполом пыталось пробиться внутрь, и там, где оно всё-таки находило щели, панели ловили каждый луч.

Наверху его встретил крик:

— Быстрее! Срез не для того, чтобы выгуливать новичков!

Алекс шагнул на узкий мосток. Внизу разверзлась ржавая глубина, в которой угадывались тёмные прямоугольники строений и пятна воды. Любое неверное движение здесь заканчивалось одним и тем же.

— Сюда кабель, — рывкнул кто-то справа. — Дальше по линии, пока не скажут «хватит».

Он двинулся, удерживая равновесие, чувствуя, как кабель тянет плечо вниз.

Руки начали ныть уже через несколько минут. К концу первого десятка мостков боль стала фоном. Холодный пот стекал по спине. Кроссовки, идеально подходившие для ровных, чистых поверхностей верхнего мира, здесь скользили и цеплялись за ржавчину.

Сверху кто-то крикнул:

— Не стой! Прожжёшь Срез взглядом — тебе за это не заплатят!

Алекс поднял глаза.

Солнце действительно казалось прожжённым. Никакого привычного голубого неба. Только мутный белёсый круг за матовым куполом. Панели, к которым он тянул кабель, дрожали от напряжения — не физического, а почти живого. Казалось, ещё немного, и они сорвутся и рухнут вниз вместе с теми, кто по ним бежит.

Где-то рядом кто-то поскользнулся и с ругательством вце-

пился пальцами в край рамы. Другой, вместо того чтобы помочь, схватил брошенный инструмент, чтобы тот не улетел в пропасть.

Здесь всё стоило дороже людей.

Он не знал, сколько времени прошло. В Пределе время Среза не измеряли привычными часами. Его чувствовали телом. Свет сначала набирал силу, потом замирал на короткий, обманчивый пик, а потом начинал уходить.

Когда солнце стало более белым, чем жёлтым, крикнули: — Всё! Сматываемся! Снижение!

Слово «снижение» было командой на выживание. Люди на рамах задвигали панели, прикрывая хрупкие поверхности. Кабели начали скручиваться в обратном порядке. Кто-то уже бежал вниз — те, у кого сегодня не было права на ошибку.

Алекс не сразу понял, что его толкают к лестнице.

— Живой? — спросил молодой с ожогом.

— Пока, — прохрипел Алекс.

— Удивительно, — усмехнулся тот. — Некоторые в первый Срез даже до половины не доходят.

— Что с ними? — спросил Алекс, хотя ответ уже видел.

— То же, что с теми, кто наверху не доживает до своих индексов, — ответил тот. — Они перестают быть числом.

Внизу их встретил всё тот же грузный.

— Не умер? — спросил он, как проверяют состояние батареи.

— Кажется, нет, — сказал Алекс.

— Значит, инвестиция оправдывается. Воду всем — по норме. Этому — чуть меньше. Пусть организм привыкает.

— Почему меньше? — удивился Алекс и сразу пожалел, что спросил.

— Потому что ты ещё не Предел, верхний, — сказал грузный. — Ты пока переходная форма. Посмотрим, в кого эволюционируешь.

Воду раздавали из большой бочки, по металлическим кружкам. Жидкость была мутной, но прохладной. Алекс пил, не думая о её составе. Горло горело от жажды сильнее, чем от подозрений.

После воды пришла усталость.

Не та, к которой он привык в центре аналитики — умственная, за которой следовало душевое тепло, мягкий диван и рекомендованный сериал на вечер. Здесь усталость была как свинец в костях. Каждое движение требовало усилия. Даже сесть — было выбором.

Он сел у стены, чувствуя, как мышцы дёргаются сами по себе. Рядом опустился тот самый мужчина с жёстким лицом, которого он заметил утром.

— Первый раз? — спросил тот.

— Да.

— Дожил до конца — уже неплохо.

— Это комплимент? — выдохнул Алекс.

— Это статистика, — сказал мужчина. — Звать тебя как?

— Алекс.

Тот кивнул, будто записывая в голове.

— Я Гур. Тут давно. Если не будешь делать глупостей — выживешь какое-то время. Если начнёшь думать, что мир тебе что-то должен — помрёшь быстро.

— Мир мне ничего не должен, — устало сказал Алекс. — Я сам ему должен.

— Вот и отлично, — Гур чуть усмехнулся. — Здесь долгов много, спроса мало.

Они какое-то время молчали.

Где-то за стеной шумел рынок. Звучали привычные уже слова: вода, пайки, минуты Среза. Кто-то ругался, кто-то смеялся, кто-то торговался за чужую спину.

— Ты всё ещё ждёшь? — спросил Гур вдруг, не глядя на него.

— Чего? — Алекс сделал вид, что не понимает.

— Что тебя отсюда заберут наверх.

Он хотел сразу сказать «нет». Но усталость делала язык честнее.

— Да, — признался Алекс.

Гур кивнул, будто это было ожидаемо.

— Все первые дни ждут, — сказал он. — Потом перестают. Потом начинают ненавидеть. Потом... — он пожал плечами. — Потом просто работают. Пока не кончаются.

— А ты на каком этапе? — спросил Алекс.

— Я на этапе «просто работаю», — сказал Гур. — Нена-

видеть долго — дорого. Здесь всё, что долго, дорого.

Алекс закрыл глаза на секунду.

Наверху, вероятно, уже прошёл рабочий день. Коллеги разошлись по домам. Кто-то включил новости и увидел всё те же графики. Кто-то обсуждал с партнёром «семейный горизонт». Отец, возможно, сидел в своём кабинете, сморя в лог, который не хотел показывать одну конкретную траекторию.

Лина...

Он резко оборвал мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.